

СОЦИАЛЬНЫЙ ЛИБЕРАЛИЗМ

М.В. КУРБАТОВА,

С.Н. ЛЕВИН

Методологические альтернативы экономического “мейнстрима”: сравнительная характеристика

Авторы рассматривают проблемы методологии экономической науки в связи с концепцией А. Рубинштейна, изложенной в статье “Социальный либерализм: к вопросу экономической методологии”. Рассматриваются варианты трактовки индивидуального и коллективного различными экономическими течениями. Показана связь концепции “социального либерализма” Рубинштейна с реалиями экономической и социальной политики современной России.

Ключевые слова: методология экономического анализа, социальный либерализм, мейнстрим, институционализм, индивидуализм, коллективизм.

The authors examines the problems of methodology of economics in connection with Rubinstein's concept stated in the article “Social Liberalism: the issue of economic methodology”. The variants of interpretation of individual and collective by various economic trends are considered. The relationship of the concept of “social liberalism” of Rubinstein with the realities of economic and social politics of modern Russia are considered.

Keywords: methodology of economic analysis, social liberalism, mainstream, institutionalism, individualism, collectivism.

Дискуссия о соотношении и роли понятий “индивидуализма” и “коллективизма” в современной российской науке, начатая статьей А. Рубинштейна “Социальный либерализм: к вопросу экономической методологии”, весьма своевременна. С одной стороны, в России после выборов 2011–2012 гг. открылось “окно возможностей” для проведения непопулярных реформ в социальной сфере (в образовании, здравоохранении, пенсионном обеспечении и т.п.), что сразу же привело к обострению идейного противостояния в обществе, идущего вокруг степени и способов либерализации данных сфер. С другой стороны, в научно-образовательной сфере все большая пропасть разверзается между сторонниками экономического мейнстрима и приверженцами традиций российской экономической мысли, стоящими на принципиально различных методологических позициях в отношении экономического либерализма. Показательно, что в свое время в качестве одной из важнейших традиций отечественной экономической мысли Д. Сорокин выделил “повышенное внимание к роли государства в организации экономической жизни общества с акцентом на его определяющем влиянии в сочетании с проблемой примата общественных интересов [Сорокин, 2001, с. 24].

Курбатова Маргарита Владимировна – доктор экономических наук, профессор, заведующая кафедрой экономической теории и государственного управления Кемеровского государственного университета (КемГУ).

Левин Сергей Николаевич – доктор экономических наук, профессор кафедры экономической теории и государственного управления КемГУ.

В этой связи статью Рубинштейна можно рассматривать как программную, предлагающую научно-исследовательскую программу, альтернативную мейнстриму, которая в качестве идейного основания имеет либерализм, а в качестве основополагающего методологического принципа – методологический индивидуализм. В этой связи представляется, что при характеристике исследовательского потенциала предложенной программы “социального либерализма” необходимо провести ее сравнительный анализ с другими концептуальными подходами, позиционирующими себя как методологические альтернативы мейнстриму и предлагающими как свое видение соотношения “индивидуального” и “социального” (общественного), так и подходы к их исследованию.

Специфика современных методологических дискуссий в экономической науке: дискуссия без дискуссии

Большинство методологических работ, не относящихся к современному мейнстриму, начинается с критики его методологии, прежде всего принципа методологического индивидуализма и модели *homo economicus*. В определенной степени это напоминает борьбу оппозиции против правящей партии: обвинения, направляемые в адрес мейнстрима, – фактически борьба против его научной картины мира, занявшей господствующее место в экономической науке и во многом формирующей представления общества о путях развития экономики и социума. Такая ситуация отражает тот факт, что современная экономическая наука выступает не только как теоретическая дисциплина, но и как *социальная инженерия*. На эту ее функцию в отношении макроэкономики обращает внимание Н. Мэнкью. Он пишет: “Господь дал нам ее не для того, чтобы выдвигать и проверять различные элегантные теории, а ради решения непростых практических задач” [Мэнкью, 2009, с. 86]. Поэтому за критикой методологии мейнстрима стоит не только и даже – не столько поиск научной истины, а борьба за право формировать экономическую картину мира для общества, прежде всего для элит и власти, активно влияя на выбор направлений экономического и социально-политического развития на национальном и глобальном уровнях. Достижение этой цели возможно лишь при условии, что оппонентам преобладающего научного сообщества удастся не просто подвергнуть критике методологические основы, отдельные выводы и рекомендации мейнстрима, а сформировать целостную и при этом привлекательную для общества и политиков альтернативную экономическую картину мира.

Наличие мейнстрима, выступающего в качестве доминирующей в глобальном масштабе научно-исследовательской программы, определяет специфику современных методологических дискуссий. Они сильно отличаются, например, от ставшего классическим примером подобных дискуссий “спора о методах” между лидером германской исторической школы Г. Шмоллером и основателем австрийской школы К. Менгером. Тогда это была борьба между *формирующимися* научными программами за потенциальное лидерство, а ее промежуточным итогом стало закрепление преобладания каждой из “школ” на национальном уровне, соответственно, в Германии и Австро-Венгрии.

Современные методологические дискуссии, касающиеся прежде всего основы мейнстрима – методологического индивидуализма, характеризуются, как это ни парадоксально, тем, что дискуссии как таковой нет. “Правящее” научное сообщество обычно не снисходит до ответа своим оппонентам, считая для себя решенными те проблемы ее методологических оснований, которые поднимают оппоненты. Прежде всего это относится к экономическому либерализму и принципу методологического индивидуализма. Как зрелое научное сообщество (по Т. Куну – “нормальная наука”) оно отдает себе отчет в ограниченности и назначении собственных конструкций, не выходя при этом за пределы своей парадигмы (или “твердого ядра” научно-исследовательской программы в терминологии И. Лакаатоша) [Кун, 2001]. Согласно Т. Эггертсону, ядро микроэкономической парадигмы, лежащей в основе мейнстрима, “образовано

концепциями устойчивых предпочтений, рационального выбора и равновесных схем взаимодействия» [Эггертсон, 2001, с. 19]. При этом оно достаточно успешно расширяет свой «защитный пояс», интегрируя в свои модели достижения других направлений, например новой институциональной экономической теории (НИЭТ). Последняя, в лице таких своих направлений, как «теория контрактов», «экономика права», «теория общественного выбора», интегрируется в мейнстрим, превращаясь в расширенные и модифицированные версии неоклассики, которые предлагают объяснительные схемы социальных взаимодействий и социальных изменений как на уровне отдельных рынков и фирм, так и общества в целом. При этом сохранение мейнстримом прочных позиций в настоящее время обеспечивается:

- близостью по методологическому инструментарию к естественно-научным дисциплинам. Эта близость заключается в способности строить «точные» формальные модели, которые можно подвергнуть стандартным процедурам верификации и фальсификации (хотя при этом и возникает специфическое именно для современной экономической науки противоречие между «точностью» и «достоверностью»);

- предложением целостной научной картины мира, построенной на единых принципах ее научно-исследовательской программы, способностью ее достраивать и совершенствовать, используя как новые эмпирические данные, так и новый исследовательский инструментарий;

- возможностью обосновывать прогнозы и предложения по экономической политике ссылками на модели и эконометрические расчеты, что придает им форму «точного» знания и вуалирует их нормативные основания, заключающиеся в экономическом либерализме.

Методологические преимущества мейнстрима в предложении обществу и политикам «точного» знания оказываются настолько высокими, что нереалистичность предпосылок ее теоретических моделей (в том числе, предпосылок крайнего индивидуализма экономических агентов) отодвигается на задний план. Как заметил М. Фридмен, «вопрос о «предпосылках» теории состоит не в том, являются ли они «реалистичными» описаниями, поскольку таковыми они никогда не являются, но в том, являются ли они достаточно хорошими приближениями к реальности с точки зрения конкретной цели» [Фридмен, 1994, с. 29].

Данные преимущества мейнстрима институционально закрепляются более высоким социальным статусом представителей этого научного сообщества в научном мире, что обеспечивает доступ к финансовым ресурсам и привлекательность научно-исследовательской программы для будущих поколений исследователей (см., например, [Олейник, 2002; Колландер, 2009, с. 85]). Причем данная привлекательность обеспечивается и возможностью для молодого исследователя, владеющего математическими методами, добиваться признаваемого научного результата с минимальными затратами на изучение социально-экономической реальности, отличающейся еще и высоким динамизмом. В результате социальный контекст экономических процессов, качественные изменения в экономических системах, происходящие под воздействием социальных факторов, оттесняются из центра их исследовательского интереса формальными моделями, наличие которых в исследовании становится критерием и для принятия докладов на конференции, и для публикации в высокорейтинговых научных журналах. Таким образом, экономический либерализм и принцип методологического индивидуализма как идейной и методологической основы мейнстрима укореняются в структурах научного и экспертного сообществ. Что же в настоящее время можно противопоставить этим бастионам мейнстрима? Как оказывается – мало что. Ряды его оппозиции разрозненны, а попытки формирования платформы для объединения – единичны.

Различные направления экономической науки, как отмечает Л. Тевено, отличаются по способу описания экономического поведения индивида. При этом возможны варианты подобного описания, основанные на разных ответах на два методологических вопроса [Тевено, 2001, с. 88–89]. Первый: чем определяются *действия* человека – со-

циальными нормами или рациональностью? Второй: как осуществляется *координация* этих действий – результат она установленного порядка или же равновесия, вытекающего из рационального выбора индивидов? Мейнстрим выбирает пару “*рациональность – равновесие*”, а альтернативные теории, отстаивающие свой статус социальных наук, обычно склоняются к паре “*норма – социальный порядок*” либо ведут поиск особых методологических схем. К подобным попыткам выработки особых методологических схем и формирования платформ для объединения альтернативных теорий можно отнести: “системную парадигму” Я. Корнаи [Корнаи, 2002] и “Манифест институциональной политической экономии” [Буайе... 2008].

”Системная парадигма” Я. Корнаи и “институциональная политическая экономия”

”Системная парадигма” Корнаи и манифест “К созданию институциональной политической экономии” – две пересекающиеся концепции формирования *рамочных параметров* альтернативных мейнстриму исследовательских программ, но так пока и не развернувшиеся в систему теорий, предлагающих общее научное объяснение экономических процессов и явлений. Корнаи предлагает гносеологическое решение проблемы обоснования альтернативной научно-исследовательской программы. Он выделяет общие рамочные принципы познания, объединяющие теоретические концепции, выступающие как альтернатива мейнстриму. Такими принципами являются:

1. Анализ социально-экономической системы как единого целого, включая взаимосвязи между этим целым и его частями.

2. Междисциплинарный характер исследования: экономика рассматривается во взаимосвязи с другими сферами жизни (политикой, культурой, идеологией). Это предполагает использование в дополнение к методам различных направлений экономической теории инструментария и результатов социологии, политологии и других общественных наук.

3. Приоритет перед рассмотрением событий и процессов отдается исследованию институтов, управляющих этими событиями и процессами. При этом институты трактуются широко и берутся во взаимосвязи друг с другом, что означает рассмотрение экономических, социальных институтов, норм права и морали как элементов целостной интегрированной структуры, характерной для данной системы. Особое значение в рамках системной парадигмы придается выделению системно-специфических характеристик функционирования общества, не зависящих непосредственно от разного рода изменчивых и специфических обстоятельств (например, личности политического лидера, текущей политической и экономической ситуации, влияния мировой конъюнктуры и др.).

4. Рассмотрение индивидуальных предпочтений как преимущественно заданных социально-экономической системой. Такой подход базируется на представлении о том, что предпочтения индивида и возможности свободного выбора определяются качественными параметрами этой системы.

5. Признание наличия у каждой социально-экономической системы внутренне присущих ей недостатков (дисфункций). Это означает, что каждая из них представляет собой противоречивое единство преимуществ и недостатков. Поэтому вопрос о предпочтительной для того или иного общества экономической и социальной системе может быть решен только путем сравнения с другими реальными альтернативами, причем имеющимися в данный исторический период.

6. Широкое использование исторического и сравнительного анализа. Это означает, что свойства любой социально-экономической системы рассматриваются в контексте ее исторического развития и при этом сравниваются со свойствами других систем.

Системная парадигма носит, в отличие от неоклассической исследовательской программы, принципиально гетеродоксный характер. Показательно, что среди ее пионеров Корнаи называет авторов разных социально-политических ориентаций: К. Маркса,

неоавстрийцев, К. Поланьи, Й. Шумпетера, ордолибералов. Общее для их теоретических подходов – рассмотрение прежде всего “макросистем” (чаще всего капитализма и социализма) и методологический монизм разного типа. Марксизм использует формальный подход, в рамках которого производственные отношения, определяемые уровнем развития производительных сил, рассматриваются в качестве базисных. Неоавстрийцы оперируют прагматологической моделью, в рамках которой люди выступают как ограниченно рациональные индивиды. Их свобода выбора ограничивается рамками морали и права, сложившимися в ходе спонтанной эволюции. Ордолибералы выделяют базовые типы координации, а затем рассматривают их различные сочетания в рамках хозяйственного порядка, взятого во взаимосвязи с природной, духовной, политической и социальной средами. Отнесение столь разных подходов к системной парадигме обосновывается тем, что все они, опираясь на избранные абстрактные исходные модели, обеспечивают определенную целостность и комплексность *исторического и междисциплинарного анализа социально-экономических систем*.

В то же время приверженность различным версиям методологического монизма ограничивает возможность сочетания инструментария разных подходов, а ориентация большинства концепций *на анализ макросистем* затрудняет их использование для выявления специфических альтернатив в рамках капиталистической системы, которая сейчас господствует в мировом масштабе. Отмечая слабую разработанность проблематики альтернативных версий капитализма, Корнаи, в частности, пишет: “В качестве замены идеальных типов, опирающихся на обобщение реального исторического опыта и пригодных для теоретического анализа, используются лишь конкретные описания страны-прототипа (например, Японии, Швеции или США)” [Корнаи, 2002, с. 18]. Идеи Корнаи ориентированы на обеспечение интеграции инструментария различных теоретических концепций и конкретизацию анализа до уровня институциональных альтернатив в рамках рыночной капиталистической экономики на разных этапах ее развития. В данном аспекте здесь и рассматривается проблема разного соотношения “индивидуального” и “социального” в рамках капиталистической системы.

Тем не менее системная парадигма пока не представляет собой целостной концепции с едиными методологией, предметом исследования и рекомендациями для общества и политиков. По существу, она выступает в роли специфического “открытого кода”, позволяющего интегрировать различные теоретические подходы, которые объединяет трактовка индивидуального и коллективного экономического *действия* как “социально укорененного” в складывающихся в ходе исторической эволюции институциональных системах. Соответственно, системная парадигма не образует непосредственной альтернативы мейнстриму, а только создает предпосылки для ее формирования на основе иной модели исследования и познавательных инструментов.

Проект формирования “институциональной политической экономии”, объединивший представителей целого ряда альтернативных мейнстриму экономико-теоретических и экономико-социологических концепций, – “встречная” по отношению к “системной парадигме” попытка формирования рамочных параметров новой научно-исследовательской программы. Данный проект строится на примате *онтологического* подхода к проблеме, то есть иного представления о предмете исследования экономической науки. Своеобразным манифестом сторонников этого направления стала статья “К созданию институциональной политической экономии”, первоначально написанная А. Кайе, а также Р. Буайе, Э. Бруссо, О. Фавро и в дальнейшем поддержанная группой неортодоксальных экономистов и экономосоциологов. В ней провозглашены следующие принципы выдвигаемой научно-исследовательской программы:

1. Институциональная политическая экономия относится к числу *социальных наук*, а *economics* рассматривается как ее аналитическая составляющая: “...мы воспринимаем экономическую науку не как техническую или математическую дисциплину (хотя, конечно, роль математики сейчас трудно переоценить), но как дисциплину, тесно связанную с общей социальной теорией, а также с политической и моральной философией” [Буайе... 2008, с. 18].

2. Институциональная политическая экономия реализует *интегрированный подход* к исследованию рынков, хозяйства и институтов, причем экономические институты рассматриваются во взаимосвязи с политическими, юридическими, социальными и этическими нормами.

3. Институциональная политическая экономия реализует *ситуативный подход*: «Одно из важнейших заключений институциональной политической экономии состоит в том, что никакой единственный с экономической точки зрения “наилучший путь” не существует и не может существовать. Нет никаких универсальных рецептов или технических решений, которые можно было бы применить вне времени и пространства, без детального изучения исторических, социальных и географических условий, без учета зависимости от первоначально избранного пути и понимания специфики конкретной хозяйственной системы» [Буайе... 2008, с. 20].

Провозглашенные в программной статье принципы исследования призваны объединить общей платформой ряд неортодоксальных школ экономических исследований (теорию регуляции, теорию соглашений, новую экономическую социологию и т.п.). Фактически же “институциональная политическая экономия” в настоящее время не представляет собой научно строгой системы знаний о социально-экономической системе, скорее это – совокупность *ad hoc* теорий, успешно объясняющих отдельные экономические явления или процессы, имеющих иной взгляд на их природу и применяющих методологический инструментарий, принципиально отличный от того, что используется в мейнстриме.

Таким образом, критика мейнстрима в системной парадигме и в институциональной политической экономии осуществляется по двум основаниям: предлагается иная характеристика природы экономических явлений и процессов (соответственно, и иной предмет экономической науки); обосновывается иная познавательная стратегия. Кроме того, предлагается более сложный ответ на методологические вопросы относительно экономических действий индивида. Рациональность экономического действия либо отвергается (в отдельных версиях системной парадигмы), либо дается более сложная версия “рациональности”. Однако в отношении координации как результата равновесия, вытекающего из рационального выбора индивидов, и системная парадигма, и институциональная политическая экономия едины. Они предлагают рассматривать координацию как результат установившегося порядка. Проблема же соотношения “индивидуального” и “социального” рассматривается здесь как проблема определенного социального порядка, формирующего стимулы экономического действия (либо определяющего социально-экономические роли). Именно в результате поворота исследовательского интереса к проблемам социального порядка оба подхода готовы снизить “точность” современной экономической науки ради усиления ее “достоверности”.

Концепция “методологического социального либерализма”

А. Рубинштейна

Статью Рубинштейна “Социальный либерализм: к вопросу экономической методологии” также можно рассматривать как программную, предлагающую научно-исследовательскую программу, альтернативную мейнстриму. В ее основу положен “отказ от радикализации методологического индивидуализма”, который “предоставляет возможность расширения границ социального анализа, формирования экономической методологии социального либерализма с использованием более общих предпосылок, применяемых в ряде научных дисциплин... в институциональной теории, социологии, философии и т.п.” [Рубинштейн, 2012, с. 16]. На первый взгляд, это близко к рассмотренным выше программам. На самом же деле, “социальное” в “социальном либерализме” включается в экономический анализ принципиально иначе. Рубинштейн предлагает следующие методологические подходы к исследованию социально-экономических систем:

1. Наряду с частными интересами существуют *интересы общества в целом*, которые в условиях усложнения связей между людьми генерируются институтами. Феномен социальной целостности не редуцируется к индивидуальным действиям, социальные блага не имеют индивидуальной полезности, а общественные интересы имеют *нормативную природу*. При этом общественные интересы не просто не сводимы к интересам индивидов, но и автономны от них (!!!).

2. В современной экономике существуют два независимых друг от друга механизма формирования экономических интересов и принятия экономических решений – *рыночный и политический*. Рыночный механизм выявляет индивидуальные предпочтения и усредняет (!?) их, формирует мегаиндивидуума, который представляет рыночный агрегат предпочтений. Политический механизм формирует нормативный общественный интерес, который представляет меритор. Таким образом, формируются два принципиально различных общественных интереса: выявляемый рынком и нормативно устанавливаемый.

3. Нормативные интересы общества формируются *“другими людьми”*, принимающими *“другие решения”* в отношении *“других событий”*. При этом признается, что нормативные интересы общества утверждаются лишь “в форме своей проекции, детерминированной действующей политической системой и сложившейся институциональной средой”. Общественные интересы (интересы социальной целостности) оказываются, таким образом, принципиально непознаваемыми и частично реализуются как нормативные установки индивидуумов, обладающих властными полномочиями. Именно эти нормативные установки включаются в модель равновесия “социального либерализма” [Рубинштейн, 2012, с. 17–25].

Пользуясь языком “теории конвенций” (одного из направлений институциональной политической экономики), Рубинштейн предлагает рассматривать два “мира”, в которых принимаются решения: рыночный (либерализм), в котором господствуют частные интересы и конкуренция; политический (социальный), в котором господствует нормативный общественный интерес и принимаются решения относительно производства опекаемых благ. Принципиальное отличие “теории конвенций” при этом заключается в переключении субъекта, принимающего решения, с одного на другой критерий принятия решений, в зависимости от того, с каким классом проблем он сталкивается (рыночной, индустриальной, традиционной, гражданской и т.п. координации). “Индивидуальное” и “социальное” в теории конвенций объединяется тем, что “индивиды” (*те же люди*) координируют свою деятельность в разных “мирах”, принимая решения на основе складывающихся в “обществе” плюралистических критериях оценки их легитимности. Решения теряют легитимность, оцениваются как несправедливые, если критерии принятия решений одного “мира” переносятся в другой. При этом плюрализм способов координации не совпадает с границами организованных или институционально зафиксированных видов деятельности. Это означает, что в различных сферах экономической, политической и общественной жизни, в различных организациях могут складываться синтетические соглашения и действовать выполняющие посреднические функции субъекты, обеспечивающие компромисс между “мирами” (см., например, [Тевено, 1997; 2005]). Таким образом, предлагаемая “теорией соглашений” модель взаимоотношений между “мирами” носит не только плюралистический, но и динамический характер.

Автор же методологии “социального либерализма” предлагает разделить субъектов на две группы, принимающие два различных типа решений. В подходе Рубинштейна система социально-экономической координации дуалистична: рынок координирует экономические действия индивидов, а политический механизм формирует нормативный интерес общества. При этом политический механизм рассматривается как действие “других людей”, принимающих “другие решения” в отношении “других событий”. В различных же концепциях институциональной политической экономики *те же самые люди*, которые принимают решения на рынках, действуя в политической сфере (формируя представление об общественном интересе), принимают *те же самые*

решения (максимизируют полезность), учитывая при этом свое социальное положение и меняющиеся социальные роли. Однако события для них на самом деле – *иные*, не сводимые как к установлению рыночного равновесия, так и к ценностным представлениям относительно общественного устройства.

Концепцию “социального либерализма” можно было бы рассматривать как *иной* вариант реализации предлагаемого в “Манифесте институциональной политической экономии” принципа интегрированного подхода к исследованию рынков, хозяйства и институтов (рассмотрения экономических институтов во взаимосвязи с политическими, юридическими, социальными и этическими нормами). Однако предлагаемый Рубинштейном подход, хотя и близок к институциональной политической экономии по экономической онтологии, серьезно отличается по выбранным принципам познания и методологии. Отличие это заключается, во-первых, в более категоричной позиции относительно гносеологических принципов исследования, которая проявляется в разрабатываемой реляционной методологии, представляемой как взаимодействие холизма и методологического индивидуализма [Рубинштейн, 2012, с. 20]. Во-вторых, в том, что предлагая иную картину мира (экономическую онтологию), Рубинштейн пытается сохранить методологический инструментарий мейнстрима – дедуктивное моделирование и обеспечить “точность” своих теоретических построений по подобию ее моделей.

Фактически реляционная методология представляет собой специфический вариант ответа на методологические вопросы об экономическом поведении субъекта. Методологическую проблему соотношения “индивидуального” и “социального” предлагается решать за счет изменения применяемых в мейнстриме онтологических и гносеологических принципов исследования экономического действия при сохранении принципов исследования координации как результата равновесия. Точнее, экономическое действие как таковое не имеет в методологии “социального либерализма” самостоятельного значения (несмотря на неоднократные заверения автора). Вместо рационально действующих индивидов, принимающих независимые экономические решения и взаимодействующих на экономических и политических рынках, на экономическую арену выводятся, во-первых, мегаиндивидуум, который “представляет рыночный агрегат предпочтений”, и во-вторых, меритор как “статистически незначимая часть общества”, формирующая “целевые установки”, соответствующие общественным ожиданиям [Рубинштейн, 2012, с. 22].

Это означает, что в предложенной концепции проблема соотношения “индивидуального” и “социального” решается через разделение субъектов, принимающих экономические решения, на две группы: “этих людей” и “других людей” (онтологическое основание реляционной методологии). “Этим людям” оставляется право на основе собственных предпочтений принимать решения в отношении индивидуальных полезностей (однако в мегаиндивидууме и эти решения теряют качество автономности), а “другим людям” – в отношении общественной полезности. Сложнейшая проблема социальной обусловленности индивидуальных экономических действий *механически* расчлениется. В результате получается следующая картина: “статистически незначимая часть общества” (другие люди), которые “самоидентифицируют себя с обществом, от имени которого они принимают решения” (другое поведение), решают, “надо ли приобщать население к театральному искусству или для общества важнее потребление населением фруктов” (другие события) [Рубинштейн, 2012, с. 23]. В то же время проблема координации деятельности сводится к достижению равновесия и предлагается его модель. Это – модель равновесия, учитывающая интерес индивидуумов и общества в целом, которые представляют мегаиндивидуум и меритор. Таким образом, проблема соотношения “индивидуального” и “социального” рассматривается как изменение параметров рыночного равновесия.

Сравнительные преимущества институциональной политической экономии и методологического социального либерализма: есть ли серьезная угроза господству мейнстрима?

При оценке потенциала рассматриваемых альтернативных научно-исследовательских программ необходимо проанализировать их возможные сравнительные преимущества и на этой основе оценить их реальную способность бросить серьезный методологический вызов мейнстриму, вернув таким образом “социальное” в исследовательскую проблематику экономической науки. Исходным пунктом такого анализа является сравнительная характеристика содержания и оснований данных программ (см. табл.).

Важнейшее преимущество институциональной политической экономии – тесная увязка в ее научно-исследовательской программе онтологических, гносеологических и методологических принципов. Представление об экономической системе как *сложной системе социально-экономической координации* преломляется в ее исследовательской программе не отказом от методологического индивидуализма как единственного основания экономико-теоретического анализа, а предложением “усложненной и, очевидно, более последовательной версии методологического индивидуализма” [Беси, Фавро, 2010, с. 13]. Его суть заключается в том, что исходной точкой исследования становится индивидуальное действие человека, но далее движение идет к формированию структур и институтов, оформляющих и стимулирующих это действие: индивид рассматривается в совокупности социальных связей, а общество не является абстрактной предпосылкой, оно присутствует в ткани индивидуального действия.

Содержательная рациональность предполагает ориентацию на конечные ценности, она структурно, институционально и культурно обусловлена. Как отмечал М. Вебер, “понятие содержательной рациональности в высшей степени многозначно... по отношению к хозяйству применяются этические, политические, утилитарные, гедонистические, сословные, эгалитарные или какие-либо иные критерии, и с ними ценностно-рационально или содержательно рационально соизмеряют результаты хозяйствования” [Вебер, 2004, с. 81]. М. Грановеттер характеризует содержательную рациональность как “разумную реакцию на окружающий контекст” [Грановеттер, 2004, с. 154].

Таким образом, содержательная рациональность заключается в том, что человек действует в собственных интересах, но при этом понятие выгоды, к которой он стремится, приобретает иное значение. Он не максимизирует полезность как некую функцию, составляющую определенный набор благ и заданную экзогенно. Четко определенной и устойчивой функции полезности в институциональной политической экономии не существует, так как для человека, в зависимости от окружающего контекста и ролевой позиции, во-первых, меняется ценность отдельных материальных и нематериальных благ, а во-вторых, он использует “плавающий критерий принятия решений”, то есть переключается между различными критериями принятия решений, в зависимости от “складывающейся конфигурации соображений и интересов” в конкретной ситуации [Аболафия, 2007, с. 57]. Соответственно, рациональность не сводится к последовательной оценке различных вариантов экономического действия, она изменчива, как изменчива ценность благ в разном социальном контексте (*переменная рациональность*). Кроме того, индивиды используют сформированные опытом определенные “смысловые схемы” для “выработки понимания ситуации”, которые позволяют “упорядочить и интерпретировать полученную информацию” (*интерпретативная рациональность*).

Институциональная политическая экономия, таким образом, следует гетеродоксной версии методологического индивидуализма, включая в предмет исследования разнообразные социальные и политические факторы. Рубинштейн идет дальше – к реляционной методологии. Однако его “приобретения” в предмете исследования (включение в анализ общественного интереса) оказываются значительно скромнее и ограничиваются политическим механизмом формирования нормативных обществ-

Сравнительная характеристика оснований исследовательских программ

	Мейнстрим	Институциональная политическая экономия	Методологический социальный либерализм
Характеристика современной экономической системы (экономическая онтология)	Экономическая система как <i>самоподдерживающееся рыночное равновесие</i> <i>Едиственный институт (рынок):</i> полная координация/воспроизводство обеспечиваются рынком	Экономическая система как <i>сложная система социально-экономической координации</i> <i>Множество институтов</i> как фактор частичной координации/воспроизводства	
Гносеологические основания	Методологический индивидуализм, его ортодоксальная версия: <i>инструментальная рациональность</i>	Методологический индивидуализм, его гетеродоксная версия: <i>укорененное действие, содержательная рациональность</i>	Реляционная методология – взаимодействие холизма и индивидуализма
Методология	Дедуктивное моделирование: модели равновесия	Ситуативный подход	Дедуктивное моделирование: модели равновесия

венных интересов и формальной моделью, иллюстрирующей изменение параметров рыночного равновесия при их учете.

Версия методологического индивидуализма институциональной политической экономии реализуется далее в ситуативном подходе, отказе от жестких дедуктивных схем. Подход к исследованию является по преимуществу *качественным* и *позитивным*, обеспечивающим увеличение “достоверности” ценой определенного снижения (но не отказа) от “точности”. Как отмечает Д. Колландер, “микросоциальные сложные системы зависят от контекста, должны изучаться лишь в соотношении с существующей системой. Такие сложные системы возникают и развиваются от одной стадии к другой, причем новые стадии зависят от пройденного пути” [Колландер, 2009, с. 88].

Однако отсутствие общих дедуктивных оснований теоретических концепций и ситуативность анализа ведут, как отмечалось выше, к тому, что институциональная политическая экономия пока не в состоянии превратиться в единую исследовательскую программу, способную на равных конкурировать с современным мейнстримом экономической науки. Тем не менее подход институциональной политической экономии к его критике оказывается достаточно последовательным и создает широкие возможности для анализа конкретных экономических проблем, выступая в качестве его серьезной альтернативы.

Возможное сравнительное преимущество “методологического социального либерализма” Рубинштейна – его ориентация на построение исследовательской программы, базирующейся на дедуктивном моделировании. Увеличение “достоверности” экономического исследования за счет включения в него процессов формирования “общественного интереса” при данном подходе предполагается обеспечить без существенного снижения уровня “точности”. При этом Рубинштейн, по существу, претендует на построение “общей теории”, в которую модели рыночного равновесия, лежащие в основе мейнстрима, интегрируются в качестве одного из двух равноправных основополагающих элементов. Фактически это означает отказ от принципа монизма в

определении оснований экономического действия индивида (реализация реляционной методологии).

Наиболее полно это проявляется в предложенной Рубинштейном модификации модели Векселля–Линдаля, предполагающей учет интересов как отдельных индивидуумов, так и общества в целом. В рамках одной модели предлагается объединить “рыночный агрегат функций полезностей индивидов” и “нормативный интерес, формируемый в рамках политической системы”. Формирование такой обобщающей модели на двух различных дедуктивных основаниях ставит вопрос о ее научной корректности. В этой связи показательна судьба “неоклассического синтеза”, как известно, объединившего неоклассическую микроэкономику и кейнсианскую макроэкономику без подведения под них общих оснований. Возникший при этом разрыв между микро- и макроэкономикой (знаменитая проблема отсутствия прочных микрооснований макротехории) сыграл важную роль в кризисе “неоклассического синтеза”. Это притом, что разница методологических оснований неоклассики и кейнсианства по сути сводилась к разным трактовкам степени рациональности индивидов, при сохранении общей приверженности принципам методологического индивидуализма. Так, сам Рубинштейн отмечает, что П. Самуэльсон (один из основоположников “неоклассического синтеза”) включал общественные товары в расчет рыночного равновесия, опираясь исключительно на интересы индивидов [Рубинштейн, 2012, с. 28]. В модели же “социального либерализма” предлагается соединить две разные функции общественного благосостояния: объединяющую последовательность индивидуальных предпочтений и представляющую интересы общества как единого целого.

Положение о существовании не сводимой к индивидуальным предпочтениям функции общественного благосостояния представлено в современной экономической науке в работах сторонников критического (традиционного) институционализма, прежде всего Д. Бромли [Bromley, 1989]. Он считает, что существование общественной функции благосостояния, предполагающей возможность сравнения функций полезности отдельных индивидов, проявляется в ходе принятия политических решений на основе коллективных представлений о социальной легитимности альтернатив. Представители мейнстрима критикуют такой подход, ставят под сомнение способность политиков непосредственно и альтруистически, не используя механизмы обмена рыночного типа, агрегировать предпочтения отдельных групп и слоев населения (см., например, [Тамбовцев, 2008^а; 2008^б]). Точно такую же претензию можно предъявить и к модели Рубинштейна.

Вопрос о *содержании* функции общественного благосостояния, представляющей интересы общества как целого, в рамках концепции “социального либерализма” так и не становится предметом исследования. Речь идет о субъектах формирования и форме такого интереса: рассматриваются “другие люди”, “философы”, “политики”, “информированная группа людей” формирующие *нормативное* понимание благосостояния общества. Таким образом, второе основание “общей теории” – “нормативный интерес общества”, так и остается второзенной переменной. Экономическое содержание такого интереса, взаимосвязь с рыночными интересами так и не получает специальной экономико-теоретической интерпретации. Именно поэтому для того, чтобы включить его в микроэкономическую модель Векселля–Линдаля, эту модель пришлось трансформировать в макроэкономическую, заменив индивидов двумя агрегированными субъектами – мегаиндивидуумом и меритором и представив агрегированные интересы. К сожалению, заявленную задачу синтеза методологического индивидуализма и холизма Рубинштейну решить не удалось, поскольку не было найдено общее основание для такого синтеза. Потенциальное преимущество обеспечения большей “достоверности” при сохранении “точности” не получило своей развернутой реализации.

Таким образом, проанализированные концептуальные подходы, предлагающие альтернативы мейнстриму, достаточно убедительно обосновывают необходимость расширения предмета экономико-теоретического анализа и его познавательного инструментария. Они показывают определенную ограниченность мейнстрима, однако

пока выступить в качестве полномасштабной альтернативы ему не могут. “Институциональная политическая экономия” в настоящее время не способна решить заявленную задачу замещения *economies*, при превращении последнего в свою аналитическую составляющую. “Социальный либерализм”, в свою очередь, также не способен превратить модели рыночного равновесия в часть более “общей теории”. С позиции же исследования комплекса отдельных, но важных экономических явлений или процессов, не получающих адекватного отражения в рамках мейнстрима, “институциональная политическая экономия” обладает сравнительными преимуществами перед концепцией “методологического социального либерализма”, обусловленными обеспечением более “достоверной” их картины.

Субъекты формирования экономической и социальной политики в современной России: мериторы или “группы специальных интересов”, позиционирующие себя как “благодетельного диктатора”

Стоит заметить, что механическое разделение в концепции “социального либерализма” “индивидуального” и “социального”, представленное в форме двух разных общественных интересов, носителями которых оказываются *мегаиндивидуум* и *меритор*, как это ни парадоксально, отражает российские реалии формирования экономической и социальной политики. Меритор, на роль которого претендуют как “политики” в кабинетах государственных органов власти, так и “*пассионарии*” с Болотной, навязывают обществу *актуализированный* ими “якобы” общественный интерес. Присвоив себе право отражать “общественные интересы”, ни те, ни другие не считаются с индивидуальными интересами людей, укорененными в сложившихся социальных условиях их жизни. Отдельным хозяйствующим субъектам отказано в способности быть носителями интересов “социальной целостности” и в какой-либо форме защищать эти интересы на экономических и политических рынках. Вместо них меритор видит лишь некоего мегаиндивидуума, представляющего усредненные (!?) предпочтения, то есть инертную массу, не понимающую собственные интересы сохранения “социальной целостности”. Этой массе меритор предлагает иные объемы *опекаемых* благ, которые, по его мнению, обеспечат реализацию нормативного общественного интереса (в той форме, как он его актуализирует в сложившейся институциональной среде и при данной политической системе, то есть фактически – по его собственному разумению). Так, меритор навязывает реформу образования и здравоохранения в интересах обеспечения населения соответствующими услугами того качества, которое, по его разумению, обеспечивает реализацию нормативного интереса общества (в отношении образования – сбрасывает излишний “образовательный капитал”).

Однако речь идет именно об “отражении” российских реалий формирования экономической и социальной политики, причем в своеобразном превращенном виде, а не об их научном объяснении. По нашему мнению, решить исследовательскую проблему объяснения сложившихся в России механизмов формирования экономической и социальной политики государства вполне можно, используя инструментарий теории общественного выбора.

В современной России сложились политические рынки (рынки власти), на которых представлены преимущественно узкие по составу “группы специальных интересов”. Возникшая ситуация обусловлена слабой экономической и социальной структурированностью большинства населения. Оно либо выступает как экономически зависимый от государства и тесно связанного с ним крупного бизнеса низовой элемент закрытых сетевых структур корпоративно-кланового типа, либо занято в неформальной экономике, которая, как правило, обеспечивает возможности только для выживания. Отсутствие у большинства населения самостоятельных источников расширенного воспроизводства означает слабость ресурсного потенциала для его гражданской самоорганизации. В этих условиях созидательная активность населения ограничена

достаточно узкими рамками и носит во многом направляемый характер. Большинство населения не выступает активным субъектом общественного выбора вследствие неформальности, размытости групповых целевых установок и запретительно высокие издержки коллективного действия. Это означает, что на политическом рынке не представлены широкие группы интересов, являющиеся носителями всеобщих интересов, связанных с накоплением общественного богатства. В таких условиях узкие по составу “группы специальных интересов” имеют возможность извлекать политическую ренту, выступая как “распределительные коалиции” (развернутый анализ различия мотиваций широких и узких по составу групп интересов был дан М. Олсоном) [Олсон, 1995].

В то же время “идеологизированные” политики, представляющие интересы “групп специальных интересов”, трансформируют их в нормативные установки следования “общественным” интересам. При этом как “правящая группа”, так и претендующая на ее место элитарная по составу оппозиция позиционирует себя по отношению к большинству населения страны в роли “благотетельного диктатора”, то есть субъекта, который обладает суверенной властью (или претендует на нее), и руководствуется в своем поведении стремлением к “общественному благу” и способностью самостоятельно сформулировать и обеспечить реализацию общественных интересов. Подобный подход позволяет рассмотреть роль нормативных установок, идеологии субъектов формирования экономической и социальной политики в рамках экономико-теоретического анализа. Это означает, что при признании того факта, что “идеология” имеет экономическое значение (это достаточно убедительно показал Д. Норт [Норт, 1997]), она всегда интегрирована в структуру интересов экономических субъектов (“тех же людей”).

Безусловно, следует согласиться с Рубинштейном, что “сам факт признания интереса общества как такового не означает подчинение ему интересов индивидуумов” [Рубинштейн, 2012, с. 31]. Однако предложенный вариант решения проблемы их соотношения вряд ли можно признать удачным. По объяснительной силе он явно уступает, с одной стороны, теории общественного выбора, а с другой – экономической социологии и институциональной экономике.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Аболафия М.* Как вырабатывается понимание экономического спада: интерпретативная теория хозяйственного действия // Экономическая социология. 2007. Т. 8. № 5.
- Беси К., Фавро О.* Институты и экономическая теория конвенций // Вопросы экономики. 2010. № 7.
- Буаие Р., Бруссо Э., Каёе А., Фавро О.* К созданию институциональной политической экономики // Экономическая социология. 2008. Т. 9. № 3.
- Вебер М.* Хозяйство и общество // Западная экономическая социология. Хрестоматия современной классики. М., 2004.
- Грановеттер М.* Экономическое действие и социальная структура: проблема укорененности // Западная экономическая социология. Хрестоматия современной классики. М., 2004.
- Колландер Д.* Революционное значение теории сложности и будущее экономической науки // Вопросы экономики. 2009. № 1.
- Корнаи Я.* Системная парадигма // Вопросы экономики. 2002. № 4.
- Кун Т.* Структура научных революций. М., 2001.
- Мэнкью Н.Г.* Макроэкономист как ученый и инженер // Вопросы экономики. 2009. № 5.
- Норт Д.* Институты, институциональные изменения и функционирование экономики. М., 1997.
- Олейник А.* В заточении в башне из...? (к вопросу об институциональной организации науки) // Вопросы экономики. 2002. № 9.
- Олсон М.* Логика коллективного действия: общественные блага и теория групп. М., 1995.
- Рубинштейн А.Я.* Социальный либерализм: к вопросу экономической методологии // Общественные науки и современность. 2012. № 6.
- Сорокин Д.* Российская политико-экономическая мысль: основные черты и традиции // Вопросы экономики. 2001. № 2.

Тамбовцев В.Л. Перспективы экономического империализма // *Общественные науки и современность*. 2008^а. № 5.

Тамбовцев В.Л. Теории институциональных изменений. М., 2008^б.

Тевено Л. Множественность способов координации: равновесие и рациональность в сложном мире // *Вопросы экономики*. 1997. № 10.

Тевено Л. Рациональность или социальные нормы: преодоленное противоречие? // *Экономическая социология*. 2001. Т. 2. № 1.

Тевено Л. Ценности, координация и рациональность: экономика соглашений или эпоха сближения экономических, социальных и политических наук // *Институциональная экономика*. М., 2005.

Фридмен М. Методология позитивной экономической науки // *THESIS*. 1994. Вып. 4.

Эггертсон Т. Экономическое поведение и институты. М., 2001.

Bromley D.W. *Economic Interests and Institutions: the Conceptual Foundations of Public Policy*. New York, 1989.

© М. Курбатова, С. Левин, 2013